

ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 378
ББК 71.0

Л.М. Мосолова

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ КАК КОНЦЕПТЫ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

Рассматривается содержание понятий модернизация и инновация в контексте модели культурогенеза. Проводится различие между ними: модернизация понимается как изменение культуры по образцу, предлагаемому Западом; инновация как базовый элемент культурной динамики.

Ключевые слова:

вестернизация, динамика культуры, инновация, культурогенез, модернизация

Может ли реальность изменяться под воздействием наших идеалов таким образом, чтобы в итоге полностью им соответствовать?

Ф. Шеллинг

Дискурс нашего времени, связанный со стремительным процессом глубоких социокультурных изменений, выдвинул на первый план широких обсуждений сначала проблему модернизации, а вскоре и проблему инноваций в различных сферах жизни общества и культуры. Яркий

пример тому – тема петербургского саммита «Группы восьми» в 2006 году: «Образование для инновационных обществ в XXI веке». Ее обсуждению предшествовала соответствующая Московская декларация министров образования «восьмерки». В итоговом документе саммита провозглашалось: «Мы будем способствовать формированию глобального инновационного общества посредством развития и интеграции всех трех элементов «треугольника знаний» (образование, исследования и инновации), крупномасштабно инвестироваться в человеческие ресурсы, развитие профессиональных навыков и научных исследований, а также путем поддержки модернизации систем образования с тем, чтобы они в большей степени соответствовали потребностям глобальной экономики, основанной на знаниях»¹. Подчеркивалось, что «образование составляет основу прогресса человечества» и «социально-экономическое процветание в XXI веке зависит от способности стран обеспечивать образование всех членов общества с тем, чтобы дать возможность каждому человеку преуспеть в стремительно меняющемся мире»². Утверждалось, что «Образование, совершенствование профессиональных навыков и генерация новых идей является залогом развития человеческого капитала и основной движущей силой экономического роста и рыночной эффективности, а также источником сплоченности всех государств»³.

Обратим внимание на характерную лексику этого документа, на акцентацию понятий «экономика», «капитал», «экономический рост», «рыночная эффективность», «социально-экономическое процветание», «прогресс» и т. п. Однако вначале рассмотрим два основополагающих понятия, связанных с теорией и практикой развития культуры и ее образовательной сферы, – «модернизация» и «инновация». На первый взгляд они кажутся синонимичными, но на самом деле имеют смыслы различного порядка, сопряженные с содержанием более общей категории «культурогенез».

«Культургенетические процессы, – отмечает автор фундаментального исследования в этой области А.Я. Флиер, – представляют собой один из видов социальной и исторической изменчивости культуры. Они специфичны *инновационным характером* (курсив мой – Л.М.) осуществления процедур формо- и системообразования в культуре, протекающих во взаимодействии с трансформационной изменчивостью иных культурных явлений»⁴. Иными словами, культурогенез является *сущностным свойством культуры*, ее творческого начала, непрерывно порождающего новые феномены, формы, структуры, конфигурации и т. д. и интегрируя их в существующие культурные системы, тем самым обновляя их в целом. Если понятия «новация», «инновация», «инновизация» связаны с *перманентным процессом обновления культуры*, то модернизация обозначает *переход к современности*. Модернизация образования есть его изменение в соответствии с требованиями современности. Но какой современности?

Нужно иметь в виду, что «теория модернизации» появилась в университетах США в 60-е годы под воздействием трудов Т. Парсонса и Р. Мер-

тона и далее развивалась в работах Ф. Риггса, С. Липсета, С. Хантингтона и других американских исследователей, обосновывающих свою политику в отношении стран «третьего мира» и предлагающих им определенные способы изменения традиционных культур и перехода их к более прогрессивным современным.

Однако все дело в том, что в европейском самосознании эталоном современности с эпохи Просвещения и до наших дней считался Запад. Для западных стран современность существует там, где он реально присутствует со своими интересами, надеждами и заботами и осознает свою цивилизаторскую идентичность. Сегодня по своему общему смыслу это понятие отражает политическую теорию и социокультурную практику части российского западничества. Темой многих поколений наших западников, включая нынешних, как известно, была тема исторической отсталости страны и желание ее осовременить по европейскому образцу. Первый модернизационный штурм России был осуществлен Петром Великим и продолжен на протяжении двух веков в разных реформах имперского типа, в том числе и в образовании. По-своему продолжилось дело модернизации России в коммунистических стратегиях и тактиках, осуществляемых недемократическими и вне рыночными средствами – «минуя капитализм». В последнем десятилетии XX века начался третий модернизационный штурм российского общества и культуры.

Сегодня различаются две модели модернизации⁵. Первая – вестернизация – является способом прямого навязывания Западом незападным странам своего образа жизни и системы ценностей. Вторая – «догоняющая модернизация». Здесь субъектом модернизации считается сама модернизирующаяся страна с ее национально-государственной независимостью, но и в этой модели есть элемент вестернизации с заранее планируемым результатом, с сознательно прогнозируемым финалом, с отчетливо артикулируемой конечной целью. (Недавно в Лундском университете (Швеция) на семинаре, посвященном проблемам модернизации образования, на котором вместе с российскими учеными присутствовали коллеги с Украины, выступавший шведский политолог убеждал слушателей: «Идти Украине с Россией – значит отставать, идти с Западом – значит стать *современной* страной»). Этим модернизация отличается от естественно-исторического развития, детерминированного не извне поставленной целью, а внутренними социокультурными причинами. В сущности, модернизация, по выражению В.М. Межуева, «есть искусство копирования, а не создания оригинала»⁶.

Понятие «инновация» и родственные ему понятия «инновационное развитие», «инновизация» более адекватно передают суть и стратегические задачи развития российского общества и культуры. Как уже отмечалось, это понятие выражает исторические закономерности процесса культурогенеза – постоянного порождения новых культурных явлений и форм. Причина инноваций – необходимость адаптирования обществ к меняющимся условиям существования путем выработки новых смыслов, средств, техно-

логий и продуктов человеческой деятельности (вещей, знаний, символов, коммуникаций, механизмов социализации и инкультурации и т. д.). Как полагает крупный исследователь проблемы соотношения традиций и инноваций Э.С. Маркарян, адаптация способствует сохранению и развитию общества, поскольку работает по принципу «обратной связи». Процесс инновизации определяется им в качестве «культурных мутаций», возникающих в ответ на «вызовы» окружающей социокультурной и природной среды. «Если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются культурной традицией...»⁷ Инновационные сдвиги имеют определенные фазы (инициирование поисков нового, создание новых форм, их конкурс, затем внедрение лучшего). Некоторые инновации могут реактуализироваться из прошлого, заимствоваться из иных культур. Введение новаций может осуществляться тремя способами: 1) спонтанно; 2) стимулированно; 3) путем творческого заимствования.

С сознанием своей немодернизированности, несовременности, то есть какой-то дикости развиваться мучительно трудно, если вообще возможно. Однако именно такая идентичность навязывалась на постсоветском пространстве целыми группами европейских советчиков по глобализации. На последней международной конференции, проводимой в рамках проекта ЮНЕСКО «Центральная Азия и культура мира» на тему «Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации», представители Европарламента говорили о необходимости включения стран в глобализационный процесс «по примеру Европы и США»⁸.

Представляется, что современность как проблема становится в век глобализации проблемой, решаемой всеми странами. **Глобализация – это переход к такому мировому порядку, в котором ни у одной страны нет привилегии на современность, а есть возможность творческого самообновления.**

Наряду с предложенным здесь пониманием инновации как концепта динамики культуры существует и иная его интерпретация. Например, проф. В.Г. Егоркин, сравнивая латинское понятие «novatio» («обновление») с французским «innovatio» и английским «innovation» (нововведение), делает вывод о том, что понятие «инновация» имеет «современное происхождение, лингвистическая родина его Франция или Англия (США)»⁹. По его мнению, природа инновационной установки связана с архетипами западной культуры, которые «несут в себе фаустиански-мефистофельское разрушительное начало с его апелляцией не к прометеевскому жертвенному добродейанию во имя и ради людей, но напротив, восходя к антитезе ветхозаветного «возлюби ближнего своего, как самого себя» – инфернально-эгоцентрическому примитиву «возлюби себя». Это истинный архетип инновации»¹⁰. Если учесть социальную основу этого понятия (то есть западный мир) и гносеологические англоязычные корни, а также идеологию «двойных стандартов», практикуемую американскими геополитиками, – отмечает В.Г. Егоркин, – «то это один из способов реализации доктрины

глобализма в условиях России»¹¹. Он также подчеркивает, что теоретической предпосылкой инноваций выступил прагматизм как философия успеха, признающий ценностью лишь то, что служит успешной жизненной практике индивида. Кроме того, концепция успешной личности, заложенная в основу теории педагогических инноваций, – утверждает автор, – «восходит к этике персонализма, где индивидуальным ценностям дается преимущество перед другими нравственными ценностями и, следовательно, нравственно все, что определяет успех индивида»¹². Существенно при этом, что субъективные интересы индивида противопоставляются интересам социума.

Автор приходит к заключению, что гносеология прагматизма и этика персонализма «являются философской субстанцией инноваций, которая достигла апогея в постмодернистских инновациях и практике социокультурного формирования на рубеже XX–XXI веков»¹³. Такой релятивизм приводит к отрицанию высших вечных ценностей и является основой технологии циничного манипулирования массовым сознанием, вызывает чувство постоянного напряжения, неуверенности и страха.

В критическом отношении В.Г. Егоркина к современной инновационной практике есть, конечно, резоны. В инновациях, характеризующих, в первую очередь, внедренческую практику технических и технологических открытий в европейских фирмах и организациях, заложена идея конституирования социальности на основе определенных рационально осознанных принципов – «сверху вниз». С этим во многом связаны идеи конструктивизма в понимании этнической идентичности, которые базируются на постмодернистских установках, где свободной творческой игре личности противостоит косная масса, представляющая собой лишь некую «возможность». Такой путь обновления любой культуры действительно может обрести разрушительный характер, ибо практически игнорирует в инновационном процессе устойчивую составляющую социума, ядро культуры. Это и приводит к «инновационному трансу» ярых прогрессистов–глобалистов (как правило, западников) и пугает традиционалистов или консерваторов.

Содержание концепта «инновация» часто неверно отождествляется с содержанием концепта «модернизация», когда речь идет в основном об опасности слепого заимствования, копирования новшеств англо-американской цивилизации как идеальных эталонов и механизмов развития культуры современности, которые должны воспринять и ввести все страны в процессе глобализации безотносительно к собственным традициям и интересам. Это характерно и для названной работы В.Г. Егоркина.

Стоит обратить внимание на то, что и в латинском языке есть понятие «innovatio» – обновление, нововведение, перемена¹⁴. И оно появилось задолго до нового времени. В русском языке слову «инновация» соответствует понятие «нововведение» – тоже давнее. Существенно, что инновация, или нововведение, может не только приходить извне, но и произрастать на

отечественной почве. Причем между появлением новации и ее введением в культуру может пройти значительное время.

В теоретическом дискурсе термин «инновационное общество» возник в начале 90-х годов. Английские ученые А. Амин и К. Роббинс обосновали положение о том, что современная индустриальная система, основывающаяся на новациях, является «новым выражением локальной и глобальной динамики»¹⁵.

Социальную инноватику еще в своих ранних работах исследовал теоретик системно-синергетических процессов А.И. Пригожин. Он полагал, что инновация в обществе и культуре является формой управляемого развития¹⁶. В ходе претворения нововведений в культурную практику происходит целенаправленное изменение. В социокультурной среде появляются новые, относительно стабильные элементы. Эти элементы являются предметами нововведения, последнее же представляет собой процесс, то есть переход определенной системы из одного состояния в иное.

Понятие «инновация» быстро приобрело междисциплинарный статус, ибо нововведение, – как отмечал Н.И. Лапин, – есть комплексный процесс создания, распространения и истолкования нового практического средства (новшества) для более полного удовлетворения уже известной потребности людей¹⁷.

В современной социогуманитарной мысли взаимоотношение инновационного и традиционного компонентов в развитии культуры становится мэйстримом. Сущность социокультурной инновации понимается как фундаментальный механизм социальной и культурной динамики. При этом нужно иметь в виду, что (как отмечается в эвристически ценной работе Т.А. Мазаевой, посвященной исследованию инновационной динамики в этнокультурной среде) «парадигма исследования инновационных процессов сформировалась в сфере междисциплинарных исследований, связанных с определением внедренческой политики фирм, организационной перестройки различных систем производства и управления на основе принципов инновационного менеджмента, позиционного анализа нововведений и т. д.». Эта «технократически ориентированная инноватика, – подчеркивает автор, – исходит из классического для новоевропейской культуры представления о человеке как субъекте принятия решений на основе рационального подсчета приобретений и потерь. В инноватике, вышедшей из экономических прикладных исследований о конкурентной стратегии фирм в условиях «гонки за новизной» (товара, услуг, потребности и т. д.), незримой тенью присутствует предприниматель, активный и абстрактный, лишенный этнических черт, субъект рыночного хозяйствования со своей специфической системой ценностей и целерационального действия. Однако «максимизация полезности» оказывается побуждающим мотивом для инновации весьма ограниченной сферы человеческой жизнедеятельности»¹⁸.

Вместе с тем следует иметь в виду, что все нововведения в конкретной культуре проходят своеобразный отбор с точки зрения их согласованнос-

ти или несогласованности с ментальными установками и традиционными ценностями и принимаются и отторгаются в зависимости от того, насколько высок инновационный потенциал этнической культуры. Эффективность инновационного процесса зависит от исторически сложившейся в каждой национальной культуре меры инновизации как того предела, за границами которого количественно накапливаемые в ходе культурогенеза нововведения разрушительным образом воздействуют на ядро культуры общества и личности.

Как верно отмечает Т.А. Мазаева, «новшество, рассмотренное с технократических позиций, как рационализованная система, воспринимаемая индивидом с точки зрения ее «разумности», часто оказывается дестабилизирующим фактором, поскольку не возбуждает тот необходимый уровень энергетичности, который является источником реального исторического действия. Для внедрения новшества необходима не только новая информация, но и новая социальная энергия, источник которой лежит в сфере ценностных мотиваций и связан, в том числе, с этнической идентичностью человека»¹⁹. Таким образом, традиция – это не только ограничивающий, но и «катализирующий» момент процессов социокультурного обновления. «Именно мир норм, идей и символов, а не простая «материальность» социального бытия человека, определяет и коррелирует меру инновизации общества», – заключает Т.А. Мазаева²⁰. В свете сказанного понятно, насколько важно использовать инновационный потенциал традиций. В умении принимать и усваивать инновации действительно состоит жизнеспособность традиций. Это умение становится одним из индикаторов жизнеспособности этноса или нации.

Многие современные исследования показали, что довольно часто нововведения на почве национальных культур по своим результатам и последствиям оказываются весьма далекими от первоначального замысла. В свое время М. Вебер ввел понятие «типы рациональности». Речь шла о гармоничном и взаимообуславливающем сочетании у представителей того или иного народа различных типов рациональности (экономической, коммуникативной, религиозной, моральной и других) с их определенными ценностными приоритетами. Релевантность инновации данному сочетанию или отдельным ее компонентам дает возможность использовать потенциал традиций для успешного нововведения.

Сегодня исследователи «понимающей социологии» М. Вебера развивают представления о типах рациональности. В частности, в теоретический арсенал культурологии вошло понятие «этнокультурный тип рациональности» как существенной обобщающей характеристики этнической или национальной культуры, ее ментальности, а также характеристики человека, принимающего решения и действующего соответствующим образом в инновационных процессах²¹.

Таким образом, теория инноватики раскрывает возможность сознательной внедренческой установки в процессе обновления обществ, формирования

субъектов инновации на основе понимания конкретных типов рациональности и их инновационного потенциала. В этом случае с внедрением инноваций не случится того, о чем столь выразительно говорил бывший премьер-министр России Виктор Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Понимание значимости культурного многообразия народов, особенностей их типа мышления и ценностных установок нашло определенное отражение в упоминавшемся документе «группы восьми», принятом на Петербургском саммите. В нем, в частности, отмечается: «Мы будем обмениваться информацией о квалификационных системах в наших странах для улучшения понимания различной национальной практики и традиций в сфере образования» (пункт 13); «Мы будем стремиться к максимальному наращиванию человеческого и социального капитала всех людей на основе политики признания того, что многообразие в секторе образования и на рабочем месте способствует инновациям и стимулирует творческую активность» (пункт 35)²².

Однако все содержание документа, вся его лексика свидетельствует о доминанте прогрессистских технико-технологических ориентациях в формировании инновационных обществ. Здесь, конечно, *речь идет не об инновациях, а о модернизации обществ*. В основе такого понимания инновации лежит ограниченное представление о человеке, типе его этнической рациональности, национальной идентичности. Это абстрактный «человек экономический», действующий в сфере предпринимательства и рынка. Именно ограниченность в понимании самого человека и различии его культурных характеристик, ограниченность в понимании самой системы и динамики культурогенеза вызывает инертную позицию или сопротивление многих россиян, размышляющих о развитии образования в стране в контексте его глобализации и практически участвующих в процессе его обновления. Они прекрасно понимают, что итогом развития приоритетного проекта западной цивилизации под названием «человек экономический» становится диктатура обезличенной в своих желаниях и потребностях, деградировавшей в духовно-нравственном отношении массы.

При этом следует иметь в виду, что интеллигенция России никогда не отрицала европейскую культуру, признавала ее достижения в науке и технике, многому училась у нее, испытывала на себе ее позитивное влияние. Однако отношение к тому, что обычно называют «западной цивилизацией», выродившейся в мещанство, с ее фетишизацией техники, прогресса, рынка, денег, силы, личного успеха и т. д., было остро критическим. Именно это служило причиной поиска пути национального развития. Восприятие инновационных моделей экономического и политического развития должно опираться на конкретные культурные ценности, традиции, тип рациональности и духовных идеалов человека.

Проблема не только в том, чтобы взять у Запада все ценное в обновлении экономической и технологической сферы, но и в том, чтобы, преодолевая существующую отсталость в этой области, найти выход из тех тупиков и противоречий, в которые попала западная цивилизация, с чем связан ее кризис. Элементы модернизации в России, конечно, возможны. Однако, как подчеркивает В.М. Межуев, задачей современной России является «не механическое копирование западной цивилизации, не создание какой-то особой, не похожей на нее цивилизации (то и другое есть действительно утопия), а продолжение начатого Западом построения общечеловеческой цивилизации, но только в направлении ее примирения и согласования с природными и культурными основаниями человеческой жизни, с функциональной потребностью человека в индивидуальной свободе и целостном развитии»²³.

Переход к устойчивому инновационному развитию российской системы образования необходимо основывать на разных «китах» в системе комплиментарного взаимодействия. В этом процессе полезно использовать гуманистические традиции и лучшие технологические достижения европейского образования. Вместе с тем следует *иметь в виду особенности национального типа рациональности, с присущим ему целостным видением мира (не просто рынка!), а также многообразие этнокультурных и региональных типов рациональности в огромном культурном пространстве страны, взаимодополнительность их инновационных потенциалов.*

Для развития «человеческих ресурсов» через образование особенно важно (чтобы не одичать) направлять ум, чувство и энергию молодого поколения россиян не только к обретению материально-вещной и телесной комфортности, но прежде всего *устреплять все его сущностные силы на понимание своего высокого нравственного предназначения, на соизмерение своих поступков с вечно искомым идеалом «нотто харто», высшими духовными идеалами, на обретение способности понимать «своего» и «чужого», конструировать гуманное смыслополагание своей жизни и совершенствовать поразительнейшее явление, сотворенное человеком, – культуру.*

В заключение отмечу, что **инновационное развитие – удел уважающей себя нации**, какой в действительности становится Россия. **Нашей стране сегодня доверяет бизнес, и надо сделать так, чтобы ей доверяло мировое образование**, причем в подготовке специалистов не только в области естествознания и техники, но и в сфере социальных, гуманитарных и культурологических наук, а также в общем деле воспитания достойного в духовно-нравственном отношении человека любой профессии.

¹ «Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование». – 2006. № 9. – С. 3–12.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Флиер А.Я. Культурогенез. – М., 1995. – С. 118; Его же: Культурология для культурологов. – М., 2000. – С. 264.

⁵ См. об этом: Межуев В.М. Культура в контексте модернизации и глобализации // Теоретическая культурология. – М.; Екатеринбург; РИК, 2005. (Серия «Энциклопедия культурологии». – С. 311–318.

⁶ Там же. – С. 311.

⁷ Маркарян Э.С. Культурная традиция и дифференциация ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. – Ереван, 1978. – С. 86.

⁸ См.: «Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации». Международная научно-практическая конференция 27–29 августа 2007 г., Иссык-Куль. Общественный фонд «Диалог культур и цивилизаций». – Бишкек, 2007.

⁹ Егоркин В.Г. Философия инноваций // Общество – Среда – Развитие. Научно-теоретический журнал. – № 1. – 2006. – С. 18.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Современный словарь иностранных слов. – 4 издание; стер. – М., 2001. – С. 474.

¹⁵ Amin A. and Robbins K. These are not marshallian times // Innovation Networks: Stratial Perspectives. – London, 1991. – P. 105.

¹⁶ Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 28.

¹⁷ Лапин Н.И. Актуальные проблемы исследований нововведений//Социальные факторы нововведений в организационных системах. – М., 1980. – С. 6.

¹⁸ Мазаева Т.А. Инновационная динамика в этнокультурной среде. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 15.

¹⁹ Там же. – С. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 17.

²² «Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование». 2006. – № 9. – С. 3–12.

²³ Межуев В.М. Указ. соч. – С. 208.